

XII

Ко мне явилось несколько человек и во имя революции потребовали, чтобы я выставил свою кандидатуру в депутаты против Жюля Симона[81].

Я согласился.

Несчастный безумец!

Те, кто думает, что я принял это предложение из честолюбия и желания быть на виду, понятия не имеют о том, как бледнею я и какая меня охватывает дрожь при мысли, что я вступаю в борьбу.

Но раз меня призвали, я не отступлю.

Но что скажу я ему, этому Антуанскому предместью? Как буду говорить с людьми из Шаронны, с блузниками из Пюто? Ведь я могу бросить на весы только едва созревшие теории, которые я даже не имел времени взвесить в своих руках бунтаря.

У меня никогда не было достаточно денег, чтобы купить сочинения Прудона. Я вынужден был брать у друзей разрозненные тома и читать их по ночам.

Хорошо еще, что под рукой была библиотека и я мог время от времени совать нос, а то и погружаться с головой в источники. Но мне приходилось пить залпом, спеша и захлебываясь, ибо на улице Ришелье я приходил не для изучения социальной справедливости.

Я должен был добывать там из недр книг зерна для своих статей, дававших мне возможность существовать, – статей, которые редактор словаря отказывался принять, если от них несло духом воинственной или плебейской философии. А это случалось иногда, когда мне удавалось хлебнуть из Прудона, – и я ронял тогда красные капли на мою бумагу.

Я не знаю даже половины того, что надо знать, и обречен на позорный провал. Безумец, желающий пойти на штурм старого мира... ученик, готовый восстать против учителя, рекрут, осмеливающийся взять в руки знамя!

Впору отступить, броситься вниз головой с лестницы... как делают беременные девушки, не желающие, чтобы узнали об их позоре...

У меня было сильное искушение поступить так, рискуя изуродовать и искалечить себя: ведь я пострадаю гораздо больше, если заслужу свистки аудитории. Быть раненым – пустяки, но

быть осмеянным – это потерпеть крушение всей своей молодости, правда истерзанной страданиями, но все же полной надежд.

Сегодня вечером первое собрание.

Пытаюсь подготовить речь... Легко сказать! Чтобы сделать это как следует, мне потребовался бы не один час. Довольствуюсь тем, что для предстоящего сражения намечаю в качестве путеводных нитей две-три основные линии и разбрасываю по ним идеи, подобно камешкам Мальчика с пальчик. Я буду следовать по намеченному пути, подбирая эти камешки по дороге к людоеду.

Конечно, не мешало бы мне иметь с собой несколько преданных людей. Но ни Пассдуэ[82], ни участников Июня уже нет. Они скрылись, как только я согласился пойти навстречу опасности; разбрелись по своим кварталам в поисках за другими Вентра.

По жестокой случайности, никто из знакомых не живет в том округе, куда мне приказали идти на смерть, как приказал некогда Наполеон своим лейтенантам расположиться на мосту и умереть там. И, заняв место на скамье императора, я в одиночестве отправляюсь в зал клуба.

Сидя на верху омнибуса, я слышу, как восхваляют достоинства моего противника.

– О, он далеко пойдет! Он превратит Лашо в лепешку.

– У него нет других конкурентов?

– Конечно, нет! Кто же из республиканцев осмелится выступить?

Ах ты, несчастный! Да вот подле тебя сидит скромный малый, который, передавая одновременно с тобой три су кондуктору, уронил клочок бумаги, где записаны первые фразы его выступления против твоего фаворита да еще несколько «эффектных», кричащих, как картинки из Эпиналя[83], приемов, которыми он собирается разукрасить свою речь.

Может быть, даже ты сидишь на моих заметках, попираешь задом мое красноречие.

– Мне нужен номер сто пятый.

– Это здесь.

Я быстро сбегая вниз.

Мой комитет беден, как Иов. Собрание назначено в бывшей конюшне, где с трудом может поместиться человек триста.

Они уже все в сборе.

– Граждане!..

Откуда только у меня бралось все то, что я говорил им? Я сразу перешел к нападению, говорил об отвратительном запахе, о необычности помещения, о нищете, которая делала нас смешными с самого же начала. Я точно срывал эти слова со стен, откуда просачивался лошадиный навоз и где торчали ввинченные кольца, к которым республиканская дисциплина хотела бы привязать и нас, как вьючных животных.

Ну нет!

И я брыкался, становился на дыбы, находя по дороге иронию и гнев.

Раздались отдельные крики одобрения, еще больше раззадорившие меня. Когда я кончил, меня обступили со всех сторон.

Председатель встал.

– Граждане, голосуется предложение выставить кандидатуру Жака Вентра. Руки поднялись.

– Гражданин Жак Вентра избран кандидатом от революционно-социалистической демократии округа.

Приветственный клик трехсот бедняков скрепил торжественно провозглашенную резолюцию.

Мороз пробежал у меня по коже: ведь этот успех ничего не доказывает.

Горсточка приветствовавших меня людей была собрана у порогов беднейших жилищ. Да и мало ли тут таких, которые аплодировали мне лишь потому, что у меня громоподобный голос, или потому, что не хотели вызывать открытого раскола, – и сколько из них покинет меня завтра, чтобы присоединиться к кортежу торжествующего Симона!

Слишком легко досталась мне моя победа. Я чуть ли не касался пальцами всех этих людей, мое дыхание обжигало их лица, а я знаю, что в моих жестах и тоне есть что-то внушительное, действующее на тех, кто стоит так близко ко мне.

Совсем другое дело, когда я окажусь перед лицом врага в громадном, битком набитом зале.

Зал гения

И вот я здесь. Огромный зал переполнен – по крайней мере мне так кажется. Противники мои хорошо подготовились к встрече. А у меня не было времени, и я ничего не приготовил, – ровно ничего. Ни улыбочки вступления, ни хвостика заключения.

Наиболее ревностные из моего избирательного комитета всеми правдами и неправдами заставили меня отправиться по коммунам в погоне за влиятельными лицами. Я бросался туда и сюда, всюду, куда только можно: исколесил весь округ пешком, в омнибусе, в телеге, – больной от всех этих стаканчиков, которые приходилось выпивать перед цинковой стойкой, чтобы чокнуться с честными людьми.

Правда, я только чуть смачивал губы, но тем не менее меня тошнило от вина. Видя, как кисло принимал я угощение, предлагаемое мне от всего сердца, эти люди, конечно, должны были считать меня или очень холодным, или очень гордым.

Единомышленники, которых мы посещали, жили в разных местах и далеко друг от друга; приходилось ловить их то где-нибудь в поле, то вызывать из мастерской, отнимать у них время, подчас компрометировать их в глазах хозяина. Причем случалось иногда и ошибаться на их счет.

Тогда они окидывали меня с ног до головы негодующим взглядом и возмущались, что их могли считать способными помогать мне сеять раскол в партии.

Мелочные волнения, убивающие цвет моей мысли... Изнурительное хождение, во время которого гибли мои идеи.

Ну и дурак я!

Я воображал, что мое жалкое поражение произойдет от того, что я не вооружился целой пачкой доктрин.

Какое там!

Два-три раза мне представлялся случай развить их, суровые и ясные, перед толпой... Но нашли, что я говорю слишком холодно. Они ждали пламенных речей, и даже мои сторонники дергали меня за фалды и нашептывали, что перед такой публикой нужно пустить волчок громких фраз.

Но если когда-то в руках у меня была плеть красноречия трибуна, то сейчас у меня нет больше желания размахивать ею и разбивать хребты чужих речей. Я стыжусь бесполезных жестов, пустых метафор, – стыжусь ремесла декламатора.

Да, черт возьми! Стоило мне захотеть – и я сумел бы вызвать захватывающие образы, которые потрясли бы этих людей. Но во мне нет больше мужества даже желать этого. Вместе с пылом якобинской веры я утратил и буйный романтизм былых дней. И вот эти люди едва слушают меня. Во мне еще нет твердости убежденного социалиста, но нет больше и данных площадного оратора, какого-нибудь Дантона из предместья. Я сам сбросил с себя все это тряпье. Это не падение, а перерождение, не слабость, а презрение.

Однажды в Булони меня чуть было не уколошили.

– Это вы хотите помешать избранию Симона!

Меня окружили, толкали, били.

Я был один, совсем один.

В первый момент я не придумал для своей защиты ничего другого, кроме старой классической формулы:

– В моем лице вы убиваете свободу слова!

– Ну что ж, убиваем! Да еще кулаком по морде! – заорал белильщик с воловьей шеей.

Бюро испугалось, как бы мое избиение не легло пятном на торжество моего конкурента. Да и я слишком погорячился. Мне, во всяком случае, было чем ответить на подобные аргументы: я мог как следует стиснуть белильщика, между тем как во все время кампании этот угорь Симон скользил у меня между пальцев: липкий и увертливый, слащаво-заискивающий, он всячески старался обезвредить яд моих слов.

То была великая минута. Один! Я осмелился прийти один! – Никогда еще я так не гордился собой, как в тот день бесконечного унижения.

В другой раз я почувствовал прилив гордости при выходе из зала собрания, где знаменитость и я выступали перед толпой один после другого.

Я услышал, как один из членов избирательного комитета сказал, указывая на меня:

– Этот уж заставит чернь слушать себя!

Наконец повинность моя кончилась, избирательная кампания позади. Я свободен!

Там, в стороне Шавилля, есть ферма, где я проводил спокойные и счастливые дни, наблюдая за тем, как молотят пшеницу, как плещутся утки в луже; я потягивал там легкое белое вино

под развесистым дубом или валялся на скошенной траве под цветущими яблонями.

Я жажду тишины и покоя. И я иду туда, забывая о выборах в парижских секциях, валяюсь на сене, слушаю кваканье лягушек в зеленых камышах. А вечером засыпаю на грубых холщовых простынях, вроде тех, на какие укладывали меня кузины в деревне.

Деревня!

Да! Я скорее создан быть крестьянином, чем политиканом, крестьянином, готовым взяться за вилы вместе с бедняками в неурожайный год, в голодную зиму.

7 часов утра

Человек с внешностью богатого подрядчика, с толстой золотой цепочкой, в коротких серых штанах и грубых башмаках, явился ко мне, представился как единомышленник и попросил выслушать его.

- Если б вы захотели, то при ваших связях и с вашим талантом...

.....

- Тарди! Тарди!

Тарди - мой старый школьный товарищ, очень бедный, еще беднее меня. Я оплачиваю его каморку рядом с моей комнатой, пропитание же свое он окупает перепиской моих статей.

Я зову его на помощь. Он выскакивает на площадку лестницы в одной сорочке.

- Полюбуйся-ка на этого типа! Он пришел купить меня... и вообразил, что я способен выслушать его, этакий мерзавец!

- Нет, нет, сударь, - бормочет субъект, бледный как смерть, и, спотыкаясь, спускается с лестницы.

- Поживей, а не то я расправлюсь с вами!

- Нет, нет, сударь... - повторяет он, скатываясь кубарем.

Но как они посмели? Кто подослал его?

Расходы по избирательной кампании взял на себя мой комитет, но при содействии одного человека, который, заверив, что хочет послужить делу, предоставил деньги на афиши и

бюллетени.

Надо разыскать того субъекта, вывести его на чистую воду.

Я предупредил товарищей. Они тянули...

- Вы стоите выше этого, - заявили они мне наконец, пожимая плечами.

Я продолжал настаивать.

- Бросьте вы это!

Тем не менее во мне осталось какое-то неприятное чувство, и я боюсь, что за всем этим скрывается опасность, когти которой еще дадут себя знать.

Версия #1

██████████ ██████████ создал 30 апреля 2026 15:02:28

██████████ ██████████ обновил 30 апреля 2026 15:04:16